

Рецензионная палата

Березово. Очерки истории с древности до наших дней
Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2008.

Большая книга о маленьком городке

Марк Порхов

«История не знает суесловья,
Трудна ее народная стезя,
Ее страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью,
И не любить без памяти нельзя»

Ярослав Смеляков

Не одно десятилетие правилом хорошего тона для губернской и районной власти в нашей стране считается создание историко-документальных справочных книг о тех местах, где им довелось «володеть и княжить». Труд этот обычно осуществляли местные краеведы-любители, а идеологический и эстетический лоск наводили лихие журналистские перья из местных газетных редакций. И пылятся годами казенные книжки, «предназначенные для широкого круга читателей», на магазинных полках и в шкафах начальственных кабинетов.

Совсем иное впечатление производит книга «Березово. Очерки истории с древности до наших дней». Уже то, что в ее создании приняли участие кандидат биологических наук П. А. Косинцев, известный палеонтолог, кандидат исторических наук С. Ф. Кокшаров — старший научный сотрудник Института истории и археологии — и другие известные специалисты по археологии Севера, говорит о серьезности замысла. Период русского освоения края подробно реконструирован профессором А. Т. Шашковым и научным сотрудником Государственного архива Свердловской области А. В. Полетаевым. Новая история Березова освещена крупным российским историком-сибиреведом Н. А. Миненко. Советские годы и постсоветское время стали темой работы В. В. Фарносовой и Н. Б. Патрикеева, академика Петровской академии наук и искусств. Важным дополнением книги является этнографический очерк о коренных жителях района, созданный известными этнографами Е. Г. Федоровой и Е. В. Переваловой. Ответственным редактором книги стал доктор исторических наук Д. А. Ре-

дин. Согласитесь, уже состав авторского коллектива заставляет относиться к новой книге с должным пиететом.

Хотя Березово даже не город, а поселок городского типа с населением в 6,7 тыс. жителей (данные 1998 года), но все 415 лет его истории

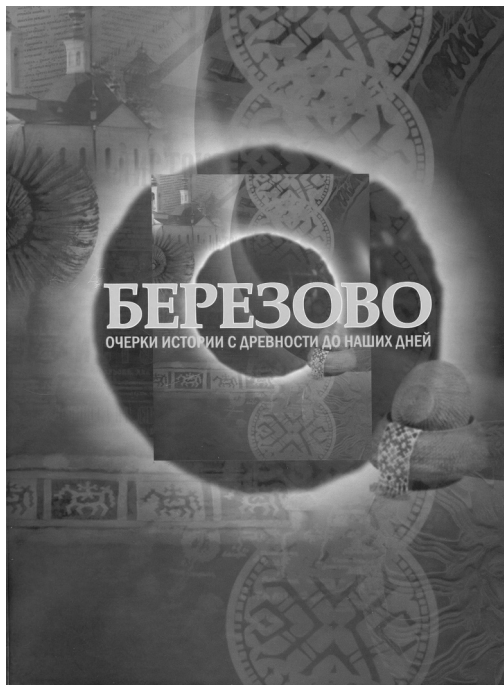
так необыкновенны, так богаты событиями, что собранный в книге материал очень интересен. Важно, что авторы очерков, составивших книгу, не компиляторы, а серьезные ученые, научные интересы которых связаны с историей Сибирского Севера. Они выступают не как репортеры, а как исследователи, ставящие большие проблемы времени минувшем, умеющие найти корни современной жизни, пути в будущее.

С точки зрения полиграфической эта книга безупречна, перед нами настоящее произведение высокого искусства. Чувство стиля выдержано до конца, что и превращает это произведение в единое творческое целое, все части которого: декоративная звучность колорита, линейно-кружевные рисунки, четкая ритмика заставок, концовок, книжного обреза — все привлекает утонченностью, изяществом,

безупречным вкусом. К сказанному следует добавить, что текст сопровождается отлично подобранным иллюстративным материалом: это и репродукции портретов исторических лиц, и фрагменты батальных и жанровых картин, и масса редких фотоматериалов.

Книга «Березово» состоит из восьми разделов, которые представляют собой первое систематическое изложение многовековой истории этого знаменитого места, расположенного на краю северной русской земли.

Наиболее удачными получились первый и заключительный очерки. Привлекают они своим объективно-научным характером, введением целого массива новых сведений о прошлом Березовского края, об особенностях жизни коренного населения этих мест. Материал замечательно иллюстрирован рисунками-реконструкциями ископаемых животных, чертежами находок черепков и каменных изделий из раскопок, фотографиями найденных в них средневековых блях и оружия. Ученые установили историю Березовского края примерно за 250 миллионов лет. Читать об исследовательской работе ученых-археологов, узнавать подробности о прошлом родной земли, безусловно, интересно. Смущает одно — обилие терминов, смысл которых непонятен людям без специальной подготовки: *триасовый период мезозойской эры, палеоген, кайнозойская эра,*

олигоценовый период, плиоцен, в среднем плейстоцене, голоцен, трогонтериевый слон, циркумпонтийская металлургическая провинция, ымыяхтахская культура, керамика синдейского типа – это только часть ученых слов, которыми переполнены 57 страниц первого очерка. Надо согласиться, что такой материал заинтересует скорее студентов истфака как готовая курсовая работа или материал для доклада в студенческом научном обществе. Приверженность авторов очерка к сугубо научному стилю изложения отягощает восприятие данного текста обычным читателем; очерку не хватает простоты, доступности, естественности.

Та же интеллектуальная претенциозность характерна и для этнографического очерка.

Это тем более обидно, что сама работа заслуживает отличной оценки. Известные этнографы обского Севера Е. Г. Федорова и Е. В. Перевалова много лет провели в экспедициях в Березовском районе Югры, досконально изучили жизнь, нравы, обычаи и верования первых насельников этих мест. Их наблюдения показывают, что несмотря на все попытки насильственной ассимиляции коренных жителей, а дело доходило до массовых арестов и кровавых столкновений, эти крошечные осколки когда-то могучего финно-угорского этноса сберегли свою идентичность, верность традиционным формам жизни, сохранили все виды своей духовной деятельности. Ученые, раскрывшие нам социальные и духовные процессы существования этих малочисленных народов, достойны самой высокой похвалы! Они действительно «остановили мгновение», казалось бы, уходящей, растворившейся в чуждой среде жизни, закрепили ее в общероссийском общественном сознании. Надо верить, что их работа поможет сохраниться этим традиционным формам бытования народов, о существовании которых часто даже не знали десятки тысяч тружеников, двинувшихся со всех концов необъятной России на освоение богатств Севера.

Центральной, ударной частью книги «Березово» являются главы 2 и 3, посвященные возникновению и развитию города в 16 – 17 веках. Их авторы – профессор А. Т. Шашков и научный сотрудник Архива Свердловской области А. В. Полетаев.

Началом продвижения Московского государства за Урал и на обский Север следует считать взятие Казани и распад Золотой Орды. С середины 16 века русские отряды систематически совершали походы в районы, богатые пушниной. По рекам Каме и Чусовой возникли укрепления сольвыгодских купцов Строгановых. Они построили цепь городков-крепостей, посадив в них военные гарнизоны из «охочих людей» и казачьей вольницы. Важную роль в разгроме Сибирского ханства сыграла снаряженная Строгановыми экспедиция Ермака (1582 – 1585). С отрядом в 450 волжских казаков, продвигаясь с боями, он подошел к столице Сибирского ханства – Кашлыку. Войско хана Кучума не выдержало «огневого боя» и разбежалось. Ермак вошел в город и обложил сибирское население данью. Но поход растянулся на три года, казаки понесли тяжелые потери, израсходовали почти все боеприпасы. В марте 1585 года многочисленные отряды

Кучума окружили Кашлык. Казаки продержались несколько месяцев, но в августе все было кончено, Ермак бился до последнего, погиб, но спас казаков от общего истребления. Так начиналась русская экспансия в Сибирь. Уже на следующий год в Западной Сибири появились регулярные русские войска и стали строиться укрепленные городки.

Именно здесь авторы называют *ключевое слово* статьи: это «коренным образом изменило ситуацию в регионе и обеспечило базу для начала активной **русской колонизации Сибири**». Откровенно говоря, мало у кого из российских историков 20 века можно найти такое честное определение русской экспансии на восток, вплоть до Тихого океана. Предпочитали писать о добровольном присоединении, о просьбе взять под защиту, о воссоединении братских народов. А **колониализм** — это там, на Западе: Кортес, Писарро, Бальбоа, Генри Морган, Френсис Дрейк, Сесиль Родс. Надо высоко оценить научную добросовестность российского историка А. Т. Шашкова — вот как он объясняет возникновение в 1593 году «Березова городка» на левом берегу Северной Сосьвы, в 20-ти верстах от ее впадения в Обь, и городка Пелым при впадении реки Пелым в Тавду: «...в короткий срок поставить оборонительные сооружения, которые служили бы надежными форпостами русского колонизационного продвижения в Сибирь и были бы способны выдержать любую осаду «немирных иноземцев».

Содержание раздела и представляет собой описание бесчисленных стычек с коренным населением, походов за ясаком — податью в виде пушнина. Северные кочевники не смирились со своим положением русских подданных, и сбор ясака для березовских властей и казаков был делом далеко не безопасным. А. В. Полетаев пишет, что в 1600 году местное население вступило в настоящую битву с русскими, в которой погибло около 30 казаков. Особой воинственностью отличались тундровые ненцы, чьими жертвами становились не только русские, но и союзные им инородцы. На протяжении 17 века они совершали систематические нападения на казенные обозы с «соболиной казной». Березовские власти посылали карательные отряды, захватывали заложников из именитых языческих родов. В эти годы гарнизон Березова насчитывал примерно 300 человек и по численности уступал лишь «стольному» Тобольску.

Таким образом, основным методом освоения новых земель была военная экспансия, когда главная тяжесть колонизации ложилась на казаков и государственных ратных людей. Характерно, что увлеченные изучением первых веков существования Березова авторы пытаются решить «трудную задачу реконструкции служилого мира Березова (даже с первых лет его существования) с привлечением максимального количества материалов сибирской статистики». Получилось, что из 130 страниц этого раздела примерно десятую часть занимают бесконечные списки «служилых людей». Это уже больше похоже на статистический отчет или данные переписи населения. Вряд ли кто-нибудь из читателей сумеет одолеть эти страницы, хотя для коренных березовцев может быть интересным найти в этих бесконечных колонках фамилии своих далеких предков.

Березов с самого начала был задуман как укрепление, «острожный городок». И как только положение на обском Севере укрепилось, стал местом ссылки. Зброшенный на далекий Север, он оказался очень удобен для заточения политических и идейных врагов правительственной верхушки страны. Рядовые преступники сюда попадали редко — слишком дорого обходились их доставка и содержание в труднодоступном бесхлебном краю. Из «знатных узников» самые именитые — Меншиков с детьми, семейство его врагов Долгоруких, граф Остерман, князь Чоглоков, родственник сразу двух русских императриц. Надо сразу сказать, что авторы данного материала избежали обычных для историков советского периода очернения, оговоров этих несчастных людей. Тут нет привычных попыток заклеить, ослабить, обличить «баловней судьбы», попавших в страшные условия царской каторги.

Их печальные истории изложены с полной толерантностью, с сочувствием и состраданием. Сам северный городок здесь предстает как некий символ русской старины, одолевшей в конце концов сторонников преобразования страны. И характерно, что в памяти жителей Березова о знаменитых узниках сохранилось сострадание к их горькой судьбе, нет ни малейшей злобы. Правда, авторы явно переусердствовали в стремлении вызвать читательское сочувствие, сопереживание. Описание каторжной жизни «знатных персон» носит откровенно *житийный характер*. Известно, что *жития*, описание жизни святых угодников, создавались как панегирики, были весьма далеки от реальной жизни. Откровенным апокрифом выглядит рассказ о встрече детей умершего Меншикова со старым князем Долгоруким, одним из главных виновников опалы их отца; сам он вместе с семейством был отправлен под строгий надзор в Березов императрицей Анной Иоанновной. Молодые Меншиковы прощают злого старика и даже оставляют ему домик, построенный их отцом, вместе с маленьким хозяйством. Вот как авторы комментируют этот эпизод: «Как видно, уроки, которые когда-то опальный князь преподавал своим детям, оставили в юных душах благотворный след».

Вершиной житийного подхода к теме вельможных страданий можно считать сообщение о вскрытии могилы Меншикова. В 1825 году тобольский гражданский губернатор приказал городничему Березова «открыть место погребения Меншикова, если оно известно». Могила была вскрыта почти через 100 лет после погребения светлейшего князя (1729). Сам губернатор рассказывал об этом событии так: «Признав слово сие буквально, городничий Андреев стал рыть землю в косогоре, в десяти сажнях от берега реки Сосьвы, и близ фундамента сгоревшей церкви, самим Меншиковым построенной, нашел гробницу длиною в сажень, совершенно сохранившуюся. По снятии крышки оказалось, что тело усопшего, покрытое на вершок льдом, не имело ни малейшего повреждения».

Но ведь это первый признак святости — тело человека богоугодной жизни остается нетленным. Правда, можно вспомнить, что умершего князя положили в вечную мерзлоту и это, конечно, способствовало сохранности тела, но пусть по-своему воспримет эту информацию каждый читатель.

Правда, в житийные рамки плохо вписывается несчастная судьба Долгоруких, на которых поступил донос в столицу с обвинениями в нарушении каторжного режима. Разгневанный фаворит царицы Бирон отправил в Березов «строжайшую экспедицию» во главе с капитаном Федором Ушаковым и поручиком Василием Суворовым. Интересно, что сын первого станет великим флотоводцем, сын второго — генералиссимусом. Следствие было проведено с максимальной жестокостью, и расправа оказалась ужасной. Старый князь Иван Долгорукий был колесован, его брата сослали на Камчатку, сыновей приговорили к наказанию кнутом и ссылке (с вырезанием языков), дочерей разослали по сибирским монастырям. Караульных, которые потворствовали узникам, наказали не менее свирепо: начальнику — расстрел, другим офицерам — битье кнутом с вырезанием ноздрей, рядовых — прогнать шпицрутенами через полк по три раза. Даже доносчика, уличенного в предосудительных контактах со ссыльными, было решено сослать «в работу навечно» с предварительным вырезанием ноздрей.

Когда читаешь обо всех этих ужасах, приходит мысль о том, что житийный вариант рассказа о судьбе «знатных узников» Березова, все эти трогательные сцены плохо соответствуют российской реальности. Когда-то художник Михаил Нестеров назвал картину «Меншиков в Березове» «изо всех суриковских драм *наиболее шекспировской* по вечным, неизъяснимым судьбам человеческим». Такой же «шекспировской» можно назвать и трагедию семейства Долгоруких, тоже раздавленных березовской катастрофой. Так что не житийное умиление, а шекспировский трагизм — лучший жанровый вариант для рассказа об этих событиях. А Наум Чоголков с его похождениями, кстати, благополучно переживший Березов, это тоже шекспировский жанр — только если вспомнить «Комедию ошибок» или «Много шума из ничего».

В заключение надо сказать, что эта часть книги, пожалуй, наиболее интересная, содержательная, особенно для тех читателей, которых в исторических сочинениях интересует событийное начало, а не решение вечных вопросов человечества.

Освоение огромного региона за Уралом в направлении к берегам Северного Ледовитого океана, к Охотскому морю и Тихому океану, к Байкалу и Приамурью заняло несколько веков. Насколько сложным и трудным был этот процесс, можно судить по истории Березовского края. И в этих местах все начиналось с военной экспансии. Но, как мудро сказал французский просветитель Жан-Жак Руссо по поводу первого раздела Польши, чужую землю «легче проглотить, чем переварить». Здесь, в Сибири и на Севере, также все должно было решить духовное, цивилизаторское начало, просветительская и культурная функция большого народа. Среди северных народностей, находившихся на ранней стадии феодализма и даже на уровне первобытнообщинных отношений, исповедующих языческие верования, миссия России должна была носить гуманитарный характер, чтобы способствовать развитию и подъему местного населения, его приобщению к современному уровню жизни. Но, очевидно, у российской власти

не было осознанной и согласованной стратегии действий на новых землях, не было четкой экономической и социальной программы, которая позволила бы согласовать развитие частей (территорий) и целого (империи). Характерно, что в Петербурге так и не появилось специального правительственного учреждения, занимавшегося этими делами, в то время как в Британии издавна существовало министерство колоний. Российская империя, развиваясь вширь, не успевала развиваться внутрь и осваивать ресурсы новых территорий, которые должны были служить резервом развития и роста всей страны. Эта проблема так и не была решена центральной властью.

Все это в полной мере относится к Березовскому краю, но в главах четвертой и пятой, посвященных жизни города в 19 и начале 20 века, где подробно и глубоко показаны быт и нравы его жителей, вопросы правительственной политики на национальной окраине даже не поставлены.

Вообще, Березов неверно представлять каким-то «темным царством». Российская академия наук постоянно направляла сюда свои экспедиции, записки об этих местах оставили академик Г. Ф. Миллер, астроном Ж. Н. Делиль, инженер Т. Кенигфельс, этнограф М. Кастрен. При Березовском училищевелись метеорологические и барометрические наблюдения, результаты которых регулярно направлялись в Петербург, в Академию наук. Березовский купец А. И. Трофимов отсылал в столицу образцы одежды и обуви местных народов, жертвовал для этой цели редкие вещи. В 1851 году он был награжден императором серебряной медалью «За усердие» за предоставление в дар Московскому обществу естествоиспытателей «остова» мамонта, он же подарил экспедиции Э. К. Гофмана 170 оленей. Краевед Н. А. Абрамов составил «Описание Березовского края», где на основе собственных наблюдений охарактеризовал изменения в природе и климате, описал редкие природные феномены. Его постоянно занимала история этих мест.

Взаимная торговля была главным способом общения березовцев с коренным населением: «Почти все жители Березова, не исключая и казаков, доставляют себе пропитание посредством торговли с инородцами, которым ...променивают разные русские изделия», — свидетельствует ссыльный поляк. Уже в 1820-х годах в Березовском округе действовало несколько официальных ярмарок, самой знаменитой была Обдорская. В 1816 году торговцами было доставлено сюда и продано ясачным жителям 16 тысяч пудов муки, 4 тысячи пудов печеного хлеба, а также табак, сукно, холст, топоры, ножи, капканы, котлы, пилы, кружки. А сами ясачные продали русским до 12 тысяч шкурок песца, свыше 600 лисьих, 2000 оленьих, до 100 волчьих, 600 пудов гусиного пуха — всего на сумму до 150 тысяч рублей. И это не считая скрытной торговли, которая не поддавалась учету, но была широко распространена: «Дикарь ...боится открытого торгу...» (М. Кастрен).

Подробный рассказ о повседневном существовании Березова помогает понять, как бинарная оппозиция «свой — чужой» в продолжение долгой эпохи смягчалась самой совместной жизнью разноплеменного

населения, как мало-помалу «чужое» стало входить в жизнь как часть «своего», как постепенно возникало понятие единой страны, общей судьбы. Терпеливые, покорные и смиренные северяне, полные робости перед чужаками, чтущие начальников и своих старейшин, реально становились частью великого российского сообщества. На протяжении веков происходило то, что академик В. Вернадский назвал *эффектом отложенного действия*. К сожалению, подвести к такому выводу автор этого раздела книги не стремился, оставляя за собой только изложение, пусть и весьма подробное, внешней канвы жизни Березовского края в 19 — начале 20 века.

Самая большая по объему (почти треть текста) и самая спорная по содержанию часть книги — главы 6 и 7, которые рассказывают о жизни Березовского края в 20 веке, в советское и постсоветское время. Именно здесь четко обнаруживается нелинейный, полифонический характер исторического процесса, вечность конфликта между обществом и властью.

В окраинном Березовском крае просто не было условий для возникновения революционной ситуации, но население оказалось быстро втянуто в ужасы гражданской войны — с колчаковскими «баржами смерти», с изъятием большевистскими властями у местных жителей всех излишков продовольствия, что привело к бесчисленным злоупотреблениям. Так, весной 1919 года под нож было пущено 85% стельных коров. Если добавить, что население осталось без хлеба и товаров, которые ранее завозились из южных районов, было озлоблено закрытием церковей и репрессиями против священнослужителей, станет понятно, что массовое крестьянское восстание, вспыхнувшее в Западной Сибири, быстро докатилось до берегов Северной Сосьвы. Местная советская власть пошла на расстрел заложников — в одном Березовском уезде было уничтожено около 200 человек. Но это не помогло. Повстанцы взяли Березов, председатель городского ревкома был жестоко убит: ему отрубили ноги и утопили в проруби. Только открывшееся судоходство и возможность перебросить крупные карательные части позволили ликвидировать массовый бунт. В конце мая 1921 года Березов окончательно перешел в руки большевиков

Шестая глава, рисующая 20 – 30 годы, когда «утихомирились бури революционных волн», показывает, что в первые десятилетия новая власть проводила на обском севере серьезные преобразования. Автор главы подробно рассказывает о переустройстве хозяйственной жизни: о национализации земли и рыбных промыслов, о массовом создании кооперативов; была налажена госторговля, развернуты современная система здравоохранения и образования.

В истории Березовского рыбозавода есть такой факт: перед Ялтинской конференцией (февраль 1945 г.), где «Большая тройка» обсуждала планы завершения войны и послевоенного устройства мира, полярный городок получил заказ на знаменитую сосьвинскую сельдь пряного посола. Есть забавная легенда о том, что Черчилль, распробовав северный деликатес, захотел купить бассейн реки Сосьвы! Но характерно, что рыбку укладывала в специальные бочонки работница-заклученная и присматривали за этим процессом трое работников спецслужб.

Большое значение имело создание Кондо-Сосьвинского заповедника, крупнейшего центра по разведению и исследованию бобров и других ценных пород пушных зверей. В районе сложилась новая транспортная система: на реках появились пароходы и скоростные почтовые катера, был построен аэродром. Если раньше путь от областного центра до Березова на лошадях занимал две недели, то теперь — несколько часов полета. Конечно, сегодня рассказ об успехах «реконструкции» может вызвать улыбку: промкомбинат с гончарным, столярным и швейным цехами как первенец социалистической индустрии, радиорупор возле райкома партии, который позволял слушать Москву, 43 городских телефона. Но ведь это было 70 лет назад, и справедливо говорить, что в первые десятилетия советской власти Березово превратилось в край с современной инфраструктурой.

Но, отметив успехи в экономике и культуре, историк показал, что в социальном и политическом отношении Березовский край был отброшен на 200 лет, к началу 18 века. Прежде всего, надо сказать, что северная земля снова стала местом ссылки, причем в неизмеримо более массовом масштабе, чем в прошлом. Если в середине 19 века в городе было 16 ссыльных, то теперь ссыльные и ссыльнопереселенцы составляли треть населения этих мест: уже в 1932 году из 106,5 тысяч всех проживавших в Остяково-Вогульском национальном округе их было 32,7 тысяч. Сюда направляли «врагов народа» и членов их семей, «кулаков» и «подкулачников». Перед войной край пополнился репрессированными по национальному признаку: немцы, татары, башкиры, чуваша, казахи, евреи, молдаване, калмыки. Они массами умирали от голода, непосильных условий жизни, каторжной работы. Чтобы выполнить план лесозаготовок, были привлечены, без различия пола, все ссыльные, начиная с 12 лет. Массовым явлением стало употребление в пищу коры, древесины, рыбьих костей и чешуи, трухи и перетертого сена. Практиковались и массовые расстрелы. Действовали спецкомандатуры, создавались особые детдома для детей умерших в ссылке. При этом автор статьи отмечает, что на долю репрессированных приходилось около половины всей сельскохозяйственной продукции, четыре пятых всего раскорчеванного леса. Так власть вернула Березову статус каторги. Только в 1959 году последние из ссыльных были реабилитированы и покинули округ, но и сейчас в этих местах живут их потомки.

Курс на форсированное преобразование общества, проводимый тоталитарными методами, сломал растянувшийся на несколько веков процесс примирения русских и аборигенов, пусть непоследовательный, но дававший реальные плоды. Массовое недовольство местного населения вызвала уже национализация земли и рыбных промыслов: от них власть требовала платить арендную плату за то, что всегда им принадлежало. Северяне были возмущены массовой экспроприацией оленей и принудительной коллективизацией. С особенной силой сопротивлялись местные жители покушениям на традиционный уклад жизни. Власти подвергли репрессиям 150 шаманов, преследовали и лишали прав зажиточных, упразднили «туземные советы», стали строить в местах компактного проживания хантов, манси и

ненцев культбазы, которые должны были ликвидировать «отсталость» местного населения. Причем воздвигали их нередко в священных для язычников местах, где издавна располагались старинные капища, священные амбары, деревья. Ханты и ненцы резко воспротивились обучению их детей в школах с обязательным проживанием в интернате, возражали против рождения детей в больнице при культбазе, требовали прекратить ловлю рыбы в священном озере Немто. Напряжение нарастало и зимой 1934 года вылилось в восстание. Постройки культбазы в Казыме были сожжены. Для ликвидации восстания использовались авиация и части особого назначения. После ожесточенной перестрелки, в которой были убитые с обеих сторон, мятеж был подавлен и началась расправа. По делу «О К.-Р. вооруженном выступлении против советской власти туземцев Казымской тундры» проходили более 60 человек.

Режим без колебания разрушал вековые устои жизни северных народов ради своих утопических целей. Это вело к насильственной культурно-языковой интеграции аборигенного населения, к искусственному стиранию его национальной идентичности. Замечательный поэт манси А. Тарханов, учившийся в 50-е годы в национальном педучилище, вспоминал, как на улице они стеснялись говорить на родном языке — над ними смеялись.

К сожалению, автор этого материала только подвел читателей к выводам о том, чем стал новый режим для старого северного городка. Определиться с оценкой советского строя придется каждому самостоятельно. Но добросовестность и честность историка, бесстрашное умение вскрывать тайны недавнего прошлого заслуживает самой высокой оценки.

Совсем по-другому воспринимается последняя глава основного текста, которая посвящена жизни края в послевоенный период и постсоветское время. Очевидно, что этот материал был написан прекрасным знатоком Березова. Во всех подробностях здесь рассказано об успехах промышленности, сельского хозяйства, о достижениях газовой отрасли, которая стала локомотивом развития всего региона. При этом названы сотни имен руководителей предприятий, партийных и советских работников, передовых производственников, учителей, врачей, журналистов. Читатель буквально утопает в бесконечных подробностях: цены на основные товары и продукты, программы юбилейных концертов, перечень телеканалов, которые можно смотреть в Югорском округе, праздничные фейерверки, жульничество торговых работников и злоупотребления милицейских чинов — ничего не пропускает внимательный автор.

Но сам авторский взгляд на описанную им жизнь принять нельзя. Мы уже 20 лет живем в новой стране, с новой системой идейных и нравственных ценностей, прежние устои безвозвратно рухнули под напором жизни, а в статье читателю предлагают смотреть скорее назад, чем вперед. Авторское истолкование событий отечественной истории последних 60-и лет — это некий вариант давно показавшей свою несостоятельность социалистической утопии.

Конечно, отрицать энтузиазм нельзя, люди искренне верили, что тяжко трудятся, терпят лишения во имя высокой цели, лучезарного будущего. Но в наши дни, когда любой здравомыслящий человек знает, чем закончилась эта эпоха лжи с ее победными рапортами, рассказанная в книге история говорит более всего о психологии несправедливой власти, об аморальности вождей, для которых дороже человеческих жизней была порочная практика достижения успеха любой ценой. А для автора статьи это «интересные события»! Установка на славословие прошедшему времени в принципе неприемлема. И она проявляется не только в прямой речи, но и в замалчивании таких больных проблем края, как экология и судьба коренных жителей. Первой теме посвящен один абзац, где сказано о кандидате экономических наук Т. Г. Харамзине, ханте по национальности, который выступал со статьями и докладами на эту тему. Автор отмечает, что «по счастью, голос экономиста был услышан». И это все, больше нет информации, а ведь говорить надо о гибели уникальной северной природы. Даже знаменитый заповедник по сохранению и разведению бобров и других ценных пушных зверей был закрыт — через его территорию прошли нефте- и газовые трассы. А судьба коренного населения вовсе не затронута, словно эти древние народы растворились в массе приезжего люда. А между тем на рубеже 20 и 21 вв. в жизни северян наступил критический момент, речь шла об их сохранении как самостоятельных этносов. Возникли ассоциации «Спасение Югры», «Ямал — потомкам!», НИИ финно-угорских народов. Они ставили своими задачами борьбу за права малочисленных народов, за возрождение их языка и культуры. Это было явление уникальное: их коллективы состоят в основном из северян, они находятся на территории, где компактно живут соплеменники. Ведутся исследования по этнографии, истории, социологии, филологии, экономике финно-угров, формируется национальная интеллигенция.

Эта работа происходит в условиях, неблагоприятных для самого существования народов Севера. На территории их проживания интенсивно развивается нефтяная и газовая промышленность, и это грозит гибелью северной цивилизации: нефтяные и газовые вышки рядом со стойбищами охотников и оленеводов, нефтяные сливы в богатые рыбой реки; горящие факелы отпугивают птиц, газо- и нефтепроводы перекрыли древние пути перегона оленей. И огромная масса новых людей, которые просто не готовы к восприятию «цивилизации болот». Зачастую они даже не знали о существовании здесь малочисленных коренных народов. В таких условиях работа по спасению их национальной культуры, одной из самых древних на земле, становится важной задачей местной интеллигенции как русской, так и национальной. Надо достучаться до сердца каждого жителя русского Севера. Но в большой и серьезной книге этой тревоги нет!

Подводя итог, можно сказать, что прочитанная статья реанимирует тот хвалебный официоз, которым когда-то наполнялись страницы советской прессы, напоминает «Блокнот агитатора» или методическое пособие для руководителей политехучебы. А читатель ждал бескомпромиссной анатомии недавно минувшей эпохи, честного рассказа о людях, живших в трудное

время. Вот вопросы, которые может предложить каждый, но на которые так и не дан ответ: условия работы на северных трассах, организация быта и снабжения людей, особенности семейных отношений в ситуации массовой миграции, проблемы детства, вечный жилищный вопрос, уровень правонарушений, текучка кадров, засилье номенклатуры, даже степень алкоголизации населения и характер заболеваний, обеспечение санаторно-курортным лечением и стоимость поездки на «большую землю» — словом, все, из чего и состоит жизнь человеческая. И вряд ли современный читатель поверит, что приполярный Югорский край был каким-то островком благоденствия на нашей грешной земле. Ведь слово «утопия» в переводе с греческого имеет значение — «место, которого нет».

Книга «Березово» подписана к печати 10 июля 2008 года. Это значит, что она предлагает нам самый новый, самый современный взгляд на историю Березовского края с древности до наших дней. К сожалению, далеко не все в ней оказалось новым и современным.

Заклячая разбор текста, можно сказать, что мы держим в руках прекрасное **подарочное издание**. Эту роскошную книгу будут вручать высоким гостям, приезжающим к районному начальству, делегатам различных конференций и семинаров, дарить победителям олимпиад и выпускникам-отличникам. Но мало кто одолеет этот толстый, перенасыщенный историческими материалами, весьма разностильный том, отдельные части которого, созданные разными авторами, часто не стыкуются, а то и прямо противоречат друг другу.

В создании этого труда участвовала бригада из 10 серьезных ученых, представителей разных отделов исторической науки. Это уже дело беспримерное. Даже вдвоем писать книгу получается редко. У Е. Петрова, который вместе с И. Ильфом написал знаменитый роман «12 стульев», есть шуточные воспоминания о том, как они вдвоем работали над этой вещью. В то время они были молодыми литсотрудниками скромной железнодорожной газеты «Гудок». Однажды старший брат Е. Петрова Валентин Катаев, уже известный писатель, который подрабатывал в «Гудке» как фельетонист, предложил им взяться за серьезное дело: «Вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово». Тут же он подсказал отличную тему — поиски стульев, в одном из которых запряты деньги: «Чем не авантюрный роман?» В тот же вечер приятели засели за работу, и на следующий день показали В. Катаеву готовый план книги. «Валюн, пройдитеесь рукою мастера сейчас», — умолял Ильф.

Эту забавную историю стоило вспомнить, чтобы понять, чего не хватило этой большой и интересной книге о Березове: **руки мастера**, то есть серьезной литературной редактуры. Нет, научный редактор был, но литературного редактора, способного разумно скомпоновать и выстроить книгу, свести все эти очень разнородные материалы в единое целое, скрепить их общей идеей, конструктивной и плодотворной, основательно очистить текст от многословия, длиннот и повторов, сделать язык удобопонятным и точным, оставить книгу в рамках научно-популярного издания, не было. По крайней мере, в выходных данных его имя не названо.